

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.В.ЛАВРОВА В МГИМО

2 СЕНТЯБРЯ 2013 г.

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Уважаемый Евгений Петрович!

Дорогие коллеги и друзья!

Рад нашей очередной встрече, которую мы по традиции проводим в День знаний. Особенно хотел бы приветствовать первокурсников и пожелать им влиться в новый коллектив, в полной мере освоить его традиции, продолжая преемственность поколений.

МГИМО(У) прочно удерживает позиции среди флагманов российского образования. В Университете создана уникальная база для изучения практически любых аспектов современных международных отношений с учетом истории, происходивших событий, а также прогнозов, которые делаются ведущими мировыми центрами. Здесь же имеются исключительные возможности для овладения иностранными языками и в целом для получения образования, которое дает человеку, жаждущему выбиться наверх, прекрасные условия для качественного интеллектуального и профессионального роста.

Мы вступаем в период празднования 70-летия создания МГИМО(У). Официально Университет берет свое начало с 14 октября 1944 г., когда годом ранее созданный международный факультет МГУ был преобразован в самостоятельный институт. Первый набор состоял из 200 человек. А в 1946 г. на учебу в МГИМО стали принимать студентов-иностранцев. Это тоже прекрасная традиция, которую надо всячески поддерживать. Нам приятно, что в МГИМО(У) и Дипакадемии много студентов из самых разных стран – как наших близких соседей, так и из дальнего зарубежья. Это лишний раз подчеркивает качество предлагаемого здесь образования. Важно, что выпускники Университета занимают в своих странах очень серьезные позиции. В большинстве случаев они успешны в бизнесе, политике, журналистике. Среди них есть министры и главы государств.

Очень хорошая инициатива, которая, надеюсь, станет еще одной доброй традицией мгимовцев, проявлена в прошлом году нашими азербайджанскими друзьями. По предложению Президента Азербайджана И.Г. Алиева в Баку состоялся Пер-

вый Всемирный форум выпускников МГИМО, вызвавший живой интерес. В нем с огромным удовольствием участвовали представители из десятков стран. Мы приветствовали такое начинание. В послании форуму Президент России В.В. Путин отметил, что за прошедшие десятилетия из стен МГИМО вышла блестящая плеяда профессионалов – широко образованных, творческих людей. Президент подчеркнул, что диплом Университета является свидетельством серьезной подготовки и самых современных знаний на международном уровне. Следующий такой форум планируется провести в будущем году в Москве и посвятить его официальному 70-летию МГИМО.

Министерство иностранных дел продолжает полагаться на МГИМО(У) как на главную «кузницу» своих кадров. 80 процентов всех принятых в МИД России молодых специалистов в текущем году – выпускники МГИМО и Дипакадемии. Помимо пополнения нашего кадрового потенциала мы очень ценим отношения с МГИМО и Дипакадемией в том, что касается научно-исследовательской и аналитической работы. Сегодня эта сфера востребована как никогда.

В мире происходят сложнейшие процессы – а они только запущены, – и до их окончания еще далеко. Однако ясно, что конечной точкой движения, в которое пришло мировое сообщество и международные отношения, будет новая полицентричная система мироустройства. Она будет опираться на диалог и согласие цивилизаций, взаимоуважение и прочную основу международного права. Ценности этой системы будут общими, присущими всем мировым религиям. Это стремление к миру, добру, достоинству, свобода и ответственность, уважение старших. Попытки трактовать эти ценности односторонне, только по-своему, наблюдаются сейчас со стороны тех, кто не хочет терять доминирующие позиции, которые столетиями занимали наши западные коллеги. Идет серьезное сопротивление созданию более справедливого и демократического миропорядка, где новые центры экономического роста, финансовой мощи должны получить больше голосов в управлении мировым хозяйством и глобальными политическими процессами.

■ Международные отношения

Отсюда – задачи реформирования международной валютно-финансовой системы, Организации Объединенных Наций, включая ее Совет Безопасности. Мы активно всем этим занимаемся. У нас четкие ориентиры, заложенные в Концепции внешней политики Российской Федерации, одобренной президентом страны в начале нынешнего года. Концепция исходит из того, что Россия хочет добиваться целей своей внешней политики на основе национальных интересов, их твердого отстаивания (но без какой-либо конфронтации), прагматично, работая на равноправной и взаимовыгодной основе со всеми без исключения странами, которые готовы действовать с нами на тех же началах.

Что касается конкретных направлений применения этих базовых принципов нашей внешней политики, то рассчитываю раскрыть их в ответах на ваши вопросы.

Еще раз с праздником!

Вопрос: Долгое время основной целью экономической дипломатии России оставалось вступление в ВТО. Эта цель, к счастью, была достигнута. Хотелось бы узнать, что теперь стоит во главе угла нашей экономической дипломатии: вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), стремление успешно завершить Дохийский раунд переговоров (в рамках ВТО) или что-то еще?

С.В.Лавров: Экономическая дипломатия для нас – одно из приоритетнейших направлений, потому что, во-первых, экономика всегда определяет нормальную политику – я не говорю сейчас о политиканстве, которым занимаются некоторые деятели, причисляющие себя к политическим элитам. Нормальные политики всегда опираются на экономику. Во-вторых, без полноценной интеграции в мировое хозяйство мы не сможем максимально решать стоящие перед нами задачи по всестороннему подъему Российской Федерации. В-третьих, не решив задач нашего собственного ускоренного инновационного и эффективного развития, мы не сумеем укреплять и далее свои позиции на международной арене. Поэтому и членство в ВТО, и переговоры о вступлении в ОЭСР – шаги именно в таком направлении. Руководство нашего государства уделяет им приоритетное внимание.

Мы год с небольшим являемся полноправными участниками ВТО. Пока трудно сказать, как членство в ВТО сказалось на наших экономических операторах – будь то в промышленности, банковской сфере, сельском хозяйстве, в сфере страхования и финансов, – но никакого обвала не произошло. Не оправдались прогнозы тех, кто говорил, что российская промышленность и банковский сектор «умрут» и т.д. То, что перед всеми нами, перед нашей экономикой стоит сейчас колоссальный вызов конкурентоспособности, я считаю очень здоровым и полезным делом для нашего государства.

Что касается переговоров с ОЭСР, то они идут, но достаточно непросто, поскольку предстоит выработать очень большой объем договоренностей. В Организации действуют 22 комитета и рабочие группы, 6 из них (чуть меньше трети) высказали

рекомендации в пользу членства России. Эта работа продолжается. Мы уже стали участниками целого ряда механизмов, конвенций ОЭСР, в том числе касающихся борьбы с коррупцией. Не будем форсировать наше вступление любой ценой, как это сделали многие наши соседи, когда вступали в ВТО. Хотим присоединиться к ОЭСР на стандартных и недискриминационных по отношению к Российской Федерации условиях. Не буду гадать, сколько времени займет эта работа. Последние десять лет мы ежегодно предрекали вступление в ВТО, поэтому лучше сконцентрироваться не на искусственно сформулированных сроках, а на существовании дела. Этим профессионально занимаются соответствующие ведомства, и МИД также активно участвует.

Вопрос: Считаете ли вы, что ситуация в Сирии является своеобразным повторением сценария, опробованного порядка десяти лет назад западными странами, когда были сформированы поводы (международный терроризм, обладание ОМУ) для их вмешательства, в итоге оказавшиеся фальшивками? Есть ли возможность на данном этапе избежать повторения иракского сценария в Сирии?

С.В.Лавров: Начну с более широкой картины, не просто чтобы связать происшедшее в Ираке с нынешней ситуацией в Сирии, только из-за того, что и тогда, и сегодня намерения начать боевые действия обосновываются наличием в стране ОМУ. Наверное, ситуация является гораздо более объемной и комплексной, поскольку то, о чем я говорил в своем вступительном слове, а именно: глубинные процессы в направлении формирования более справедливой полицентричной системы мироустройства, опирающейся на опыт, культуру, достижения, ценности и мудрость всех цивилизаций, а не какой-то одной, очень болезненны. Те, кто в этих процессах объективно утрачивает некогда непререкаемые позиции, реагируют по-разному. Можно принять это как данность, на которую повлиять невозможно, потому что процессы в мире говорят сами за себя, а можно стараться цепляться за старое. В этом смысле людям, которые хотели бы подольше сохранить несправедливый миропорядок, на руку любые происходящие в мире «турбулентные» процессы.

Если говорить о Ближнем Востоке и Севере Африки, то налицо то, что мы называем «двойными стандартами», а также личностный момент. Речь о том, что личная неприязнь к какому-то одному авторитарному лидеру приводит к тому, что его нужно свергать всеми силами, а об авторитарных лидерах, к которым такой неприязни нет и которые являются помощниками, союзниками наших западных партнеров, речи вообще не идет. Нелогично и непоследовательно также описывать все под лозунгом демократических преобразований, которые так нужны региону. Еще раз повторю: в каких-то странах демократические преобразования действительно происходят и закрепляются, а где-то «демократические революции» – как их модно называть – используются просто для смены власти. А уже затем будут применяться другие методы управления государством.

Наша позиция очень проста: мы убеждены, что народы имеют право на лучшую жизнь. Если огромная масса людей на Ближнем Востоке и Севере Африки хотят жить лучше, улучшать свое социально-экономическое положение, доступ к образованию, позиции в обществе, в политической жизни, перемен, то эти чаяния необходимо поддерживать. Но не для того, чтобы подстрекать к применению силы и насильственному свержению режима, а чтобы всячески способствовать организации национального диалога, убеждать давно находящиеся у власти режимы, что в их же интересах и в интересах их страны начать процессы общенационального примирения, выработку моделей политического устройства, которые помогут сохранить единство страны, обеспечить ее прочные позиции на региональном и международном уровнях. Именно этим мы стараемся заниматься.

В случае с Ливией, когда, как вам известно, была объявлена задача установить сначала бесполетную зону и лишь потом демократию, произошла трансформация этой бесполетной зоны в элементарное, циничное участие авиации стран-членов НАТО во внутреннем конфликте на стороне противников режима М. Каддафи. Это проявилось в возмутительном факте, когда с помощью натовцев М. Каддафи был варварски уничтожен. Я говорю о последовательности и «двойных стандартах», когда чуть позже, как мы и предупреждали, из Ливии незаконными маршрутами стало распространяться оружие, когда отсюда же в разные стороны «потекли» боевики, которые больше ничем другим заниматься не могут (поскольку являются участниками экстремистских, террористических организаций) – им нужна где-то новая война по свержению кого-то. Кстати, по оценкам ООН, незаконные перетоки стрелкового оружия из Ливии, которым в основном и пользуются участники «заварух» в том регионе, уже произошли в 12 странах.

В Мали, вы, наверное, слышали, началась битва за свержение правительства, отторжение от государства северной части. Занимались этим террористические группировки, спекулировавшие на чаяниях части населения Мали (племен, проживающих на севере) о большей самостоятельности. Когда французы – по просьбе руководства Мали – отправили свои войска для борьбы с террористами, пытавшимися расколоть страну и захватить власть в Бамако, то эти войска воевали с теми, кого они поддерживали и вооружали в Ливии. Когда я говорю об этом моим французским коллегам, они отвечают: «C'est la vie». Плохо, что это «C'est la vie». Нельзя делить террористов на хороших и плохих. Если они помогли свергнуть М. Каддафи – они, мол, хорошие, а если после хотят свергнуть нашего «друга в Мали» – то плохие. Так нельзя строить политику. Это абсолютно непрофессионально и, как минимум, недальновидно.

Теперь что касается Сирии. Безусловно, сирийский режим допустил очень много ошибок. Гораздо раньше, два с лишним года назад, можно и нужно было начинать национальный диалог. Россия неоднократно предлагала содействие в организации та-

кого диалога. Мы убедили режим поддержать инициативу ЛАГ о направлении наблюдателей, убедили правительство Б. Асада принять план К. Аннана и согласиться разместить наблюдателей ООН на своей территории. Но в обоих случаях очень быстро – как только наблюдатели стали докладывать более или менее объективную картину – их оттуда отзывали или не продлевали их мандат.

Мы были инициаторами проведения Женевской встречи 30 июня 2012 г., где удалось принять коммюнике, которое сейчас для всех стало «библей». И все теперь говорят, что только на такой основе можно урегулировать сирийский кризис. Россия вместе с США призвала провести специальную конференцию для того, чтобы договориться о полной реализации Женевского коммюнике прошлого года. Как и было условлено, мы добились согласия режима Б. Асада, который заявил о готовности направить на такую конференцию делегацию без предварительных условий для выполнения поставленных задач, а именно – с целью реализации всех положений Женевского коммюнике. От оппозиции пока таких сигналов мы не слышим.

Оппозиция же, в принципе находясь под воздействием не столько даже наших западных партнеров, сколько богатых стран региона и стран, занимающих непримиримую позицию по отношению к режиму и, наверное, реально не желающих никакой конференции, а делающих ставку на военную победу оппозиционеров, никак не проявляет стремления к какому-либо диалогу. Оппозиция хочет полной капитуляции режима, своих сил у нее не хватает, поэтому требует военного вмешательства Запада. Сейчас оппозиционеров очень вдохновило заявление американцев о том, что в связи с некими фактами, свидетельствующими о применении режимом химического оружия, президент Б. Обама принял решение ударить по Сирии, но хочет посоветоваться еще и с Конгрессом.

Проблема химоружия всплывает далеко не первый раз. Когда в марте 2013 г. недалеко от г. Алеппо произошел очень похожий на применение химического оружия инцидент, Правительство САР попросило ООН срочно направить экспертов для его расследования. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун согласился, но затем – не буду скрывать, потому что об этом говорилось открыто, – на него было оказано давление со стороны Великобритании и Франции, которые сказали, что просто направить группу экспертов расследовать данный конкретный инцидент не получится. Они предложили затребовать у правительства Б. Асада согласие на допуск любого количества инспекторов с любым оборудованием в любое место и в любое время на всей территории Сирии, чтобы не было ни одного уголка, куда инспекторы не могли бы войти. Такой мандат имелся у инспекционной группы в Ираке, который вы вспомнили в своем вопросе. Все мы знаем, чем это закончилось.

Во-первых, Ирак находился под действием санкций СБ ООН, введенных в 1990-х гг. в рамках главы VII Устава ООН, а Сирия под такими санкциями не находится. Во-вторых, нет никаких сви-

■ Международные отношения

детельств тому, что такой абсолютно интрузивный, безразмерный мандат требуется для расследования конкретного инцидента 19 марта 2013 г. Когда сирийское правительство – и я его понимаю – отказалось от совершенно колониального мандата, который навязывали англичане и французы, оно обратилось к нам. Российские эксперты в полном соответствии с правилами Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) взяли пробы, сделали их анализ и представили полный доклад с выкладками, фотографиями, конкретными датами, временем, именами, результатами анализа, проведенного в сертифицированных ОЗХО лабораториях. Этот доклад (почти 200 страниц) был передан в СБ ООН, его членам. Мы сказали, что в отсутствие действий ООН вносим свой вклад и просим оценить его с профессиональной точки зрения. От американцев мы так и не получили никаких ответов, как не получили их от французов и англичан или еще кого бы то ни было. Но и англичане, и французы, и американцы последние месяцы говорили о том, что есть неопровержимые доказательства того, что режим раньше применял химоружие. А в последние дни, как вы все знаете, американцы заявили о наличии у них достоверных данных, подтверждающих, что 21 августа этого года около Дамаска, в районе Гуты, режим использовал химическое оружие.

Мне было очень странно услышать, что, выступая недавно на эту тему, мой хороший товарищ и коллега, госсекретарь США Дж. Керри, заявил, что американская сторона предъявила российской эти неопровержимые данные о применении режимом химоружия, а Россия сознательно отказалась признать этот факт. Что касается сознательного-бессознательного, мы стараемся все делать сознательно, когда признаем или не признаем факт. Никому не желал бы во внешней политике действовать бессознательно.

Во-вторых, да, нам действительно показывали некие выкладки, которые не содержали ничего конкретного – географических координат, имен, доказательств того, что пробы были взяты профессионалами, каких бы то ни было комментариев по поводу того, что многочисленные эксперты подвергают серьезному сомнению видеокadres, «плавающие» по Интернету. В этих выкладках масса несоответствий, несуразностей, если говорить о том, что это картинки применения химоружия и самочувствия жертв. В общем, очень много сомнений. Поэтому то, что наши американские партнеры, равно как британские и французские, демонстрировали нам раньше и показывают в последнее время, нас абсолютно не убеждает. Там нет фактов, а есть просто разговор о том, что «мы знаем наверняка». Когда же их просят предъявить более детальные подтверждения, отвечают, что это секретно, поэтому показано быть не может. Значит, нет таких фактов для целей международного сотрудничества.

Есть еще один, более глобальный аспект этой темы, выходящий далеко за рамки сирийского кризиса и вообще касающийся проблемы нераспространения ОМУ. Режимы нераспространения в последнее время подвергаются все большим рискам

и угрозам. Одна из проблем, которая грозит стать очень серьезной, – неспособность обеспечить созыв конференции по созданию зоны, свободной от ОМУ на Ближнем Востоке (ЗСОМУ). В 2010 г., когда проходила Обзорная конференция по выполнению ДНЯО (такие конференции проводятся один раз в пять лет), консенсусом была принята резолюция, что не позднее 2012 г. будет создана конференция по формированию ЗСОМУ в Ближневосточном регионе. Причем речь идет не только о ядерном оружии, а о любом оружии массового уничтожения и средствах его доставки. Россия, Великобритания и США в качестве государств-депозитариев ДНЯО были определены соучредителями этой конференции вместе с представителем Генерального секретаря ООН. Несмотря на все наши усилия (именно наши, не буду этого скрывать, поскольку нас во многом начинают обвинять, поэтому нужно знать правду), из-за позиции США учредители не смогли даже объявить дату созыва этой конференции. Наши американские партнеры ссылались на многочисленные обстоятельства. Мы согласны, что эти обстоятельства существуют, многие из них объективны, в частности касающиеся обеспечения участия всех стран региона с соответствующими потенциалами, и не только арабских государств, но также Израиля и Ирана. Это очень непростая задача.

Но ссылаться только на то, что задача сложная, поэтому следует, мол, отложить ее реализацию, неправильно. Это является отходом от уже принятых решений, под которыми все подписались. Конференция должна была состояться в прошлом году. Теперь мы добиваемся определения даты в самое ближайшее время, поскольку через полтора года грянет новый обзор ДНЯО, и арабские страны региона – на мой взгляд, совершенно справедливо – говорят о том, что если не будут выполняться обещания о поддержке идеи создания ЗСОМУ и другого оружия массового уничтожения, то они не будут конструктивно относиться к другим проблемам таких обзорных конференций.

А проблемы серьезнейшие, и прежде всего связанные с тем, чтобы укрепить, а не расшатывать режим нераспространения. Сирия, кстати сказать, была одним из инициаторов идеи создания на Ближнем Востоке такой зоны. Через такие механизмы надо решать проблемы, касающиеся рисков попадания компонентов ОМУ не в те руки. Нужно действовать через вовлечение всех, у кого есть подобные технологии, в диалог, в обеспечение мер доверия, транспарентности и т.д. А угрозами, тем более основанными на бездоказательных (с нашей точки зрения, поскольку мы видели эти бумаги) утверждениях, ничего не решить. Если действительно имеются некие суперсекретные данные, надо эту секретность снимать. Речь о вопросах войны и мира. И продолжение «игр в секретность» здесь просто неуместно.

Вопрос: Россия и Китай называют двусторонние отношения стратегическими. Насколько это стратегическое партнерство проявилось во время ликвидации последствий наводнения и паводков на Дальнем Востоке? После того как некоторое время

назад сменилось политическое руководство в КНР, остались ли наши отношения на столь же высоком уровне и какие у них перспективы?

С.В.Лавров: У нас с Китаем действительно налажены отношения стратегического взаимодействия и всестороннего партнерства, переживающие самый длительный и лучший, на мой взгляд, период за всю их историю. В двусторонних делах все проблемы решены, включая пограничные, наблюдается мощнейший экономический разворот. Китай – наш главный торгово-экономический партнер, при этом один из главных и растущих рынков наших энергоносителей и высоких технологий, что очень важно.

Нас с Китаем объединяет стремление государств и лидеров обеспечивать на деле добрососедские отношения. Отсюда – огромное внимание, которое уделяется не только экономике и инвестиционным проектам, но и поощрению культурного, гуманитарного сотрудничества. Проводятся такие масштабнейшие мероприятия, как Год России в Китае, Год Китая в России, Год русского языка в Китае, Год китайского языка в России. Сейчас проходят перекрестные годы туризма – российского в Китае и китайского в России.

Развиваются очень тесные связи между научными учреждениями, политологами, укрепляются отношения дружбы между нашими гражданами. Это проявляется в различных ситуациях, в том числе в периоды, когда на китайскую и российскую территории приходят стихийные бедствия. Когда в Китае возникли проблемы после землетрясений, мы приглашали китайских детей на отдых в Россию; когда же в наших регионах происходили стихийные бедствия, китайцы отвечали взаимностью. Это очень конкретные проявления человечности наших отношений на уровне граждан.

Если брать международные дела, то – не побоюсь этого слова – мы с КНР, наверное, главные гаранты защиты норм и принципов международного права. У нас огромное количество сторонников, просто не все страны (в силу своих размеров, позиций в мировой экономике и политике) могут активно выступать в защиту международного права. У нас с КНР таких ограничителей нет. Мы принципиально действуем по всем вопросам, включая сирийскую проблему, иранскую ядерную программу (ИЯП), ядерную проблему Корейского полуострова (ЯПКП). Отстаиваем исключительно переговорные решения, противимся попыткам – а они есть – возвращаться к языку ультиматумов, санкций и отказа от переговоров. Замечу также что мы заинтересованы в мирном урегулировании споров конечно же потому, что это требование Устава Организации Объединенных Наций – важнейшая часть международного права.

Россия и Китай сейчас решают очень масштабные, я бы сказал, грандиозные задачи внутреннего развития. Китай стал второй экономикой мира, обладает крупнейшими по объему золотовалютными резервами. Но при всех колоссальных достижениях общества в экономике и развитии технологий, ресурсной базы Китай все-таки еще находится далеко не в первых рядах по статистике

ВВП на душу населения. Пекину совершенно не нужны какие-то рискованные игры на международной арене, он заинтересован в спокойном окружении. И Россия заинтересована в том, чтобы по периметру своих границ не было никаких хлопот, требующих отвлечения внимания государства на несозидательные задачи.

Именно поэтому Россия и Китай действуют в пользу создания систем безопасности, которые гарантировали бы интересы всех и каждого. Одна из таких инициатив касается формирования системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где пока нет объединяющей все страны структуры. Наряду с такими открытыми структурами, как механизмы Восточноазиатских саммитов, АТЭС, Форум по безопасности, который созывают страны АСЕАН со своими партнерами, в регионе есть несколько военно-политических закрытых блоков. Важно, чтобы в АТР, который остается локомотивом в развитии мировой экономики, не возникало угроз безопасности.

И в Европе, и в АТР Россия выступает за создание такой системы безопасности, которая обеспечивала бы интересы каждого, в рамках которой любое государство имело бы право на равную и неделимую безопасность и ни одно государство не обеспечивало бы свою безопасность за счет ущемления безопасности другого. Об этом мы сейчас говорим в рамках Совета Россия–НАТО, ОБСЕ, Восточноазиатских саммитов. Кстати, одной из конкретных проблем, которая может в случае ее воплощения в жизнь стать реальным нарушением принципа неделимости безопасности, является проблема противоракетной обороны.

В Европе и АТР создаются компоненты глобальной ПРО США, причем в таких конфигурациях, которые затрагивают интересы безопасности Российской Федерации. Насколько я понимаю, в Китае также очень пристально присматриваются к тому, что делается достаточно близко от его границ. Это как раз тот самый случай, когда стремление укрепить свою безопасность и сделать неуязвимым собственное государство осуществляется путем воспроизводства угроз и рисков для безопасности других государств. Поэтому мы будем отстаивать именно продекларированный уже всеми западными лидерами при нашем участии подход о необходимости обеспечить всем и каждому равную и неделимую безопасность. Для этого, конечно, нужно заниматься юридическим оформлением таких политических лозунгов.

Вопрос: В последнее время появились сообщения, что Республика Корея и КНДР хотят возобновить встречи разделенных семей. Является ли это, на ваш взгляд, признаком того, что молодой лидер Северной Кореи отходит от воинственной риторики, к которой мы привыкли за последнее время?

С.В.Лавров: Я бы осторожно комментировал происходящее в этом очень близко расположенном регионе, в соседних с нами странах. Мы были озабочены риторикой, которая звучала не так давно, угрозами вообще никогда не возвращаться в процесс шестисторонних переговоров и применить ядерное

■ Международные отношения

оружие. Действительно, сейчас ситуация немного успокоилась, и мы связываем с этим определенные надежды на возобновление политического процесса. Сразу же подчеркну, что мы не приемлем попытки северокорейского руководства в одностороннем порядке объявлять себя де-факто или де-юре военной ядерной державой. О мирном атоме речи не идет. Когда мы закроем ЯПКП, все блага мирного атома будут доступны и КНДР, и другим странам этого региона.

Мы не приемлем шагов, нарушающих режим нераспространения (ОМУ), тем более сопровождаемых угрозами применить такое оружие. Мы также призывали к сдержанности и других участников этой драмы. Нам показалось, что ответные меры, которые были объявлены и начали осуществляться со стороны США, Японией, Республикой Корея в виде массированных маневров, расширения планов в области создания в этом регионе системы ПРО, переброски дополнительных сил и средств, были совсем не адекватны реальным рискам, которые представляет собой Северная Корея в военном отношении. Поэтому мы вместе с нашими китайскими коллегами призывали всех к сдержанности. По крайней мере, на данном этапе есть причины для очень осторожного оптимизма.

Вы упомянули о готовности возобновить режим встреч родственников. Как я понимаю, есть договоренность о возобновлении работы Свободной экономической зоны Кэсон, имеются и другие признаки, что стороны стремятся к контактам, а не к тому, чтобы разбежаться в разные стороны и, как говорится, ужесточать крайние позиции. Мы убеждены, что в такой ситуации особое значение приобретают не просто тема шестисторонних переговоров, не просто усилия по их возобновлению. Особый акцент мы хотели бы сделать на той части договоренностей, которые были достигнуты в рамках повестки дня шестисторонних переговоров с призывом создать в Северо-Восточной Азии систему мира и безопасности. Кстати, была создана соответствующая рабочая группа, в которой Россия является координатором, и мы постараемся использовать этот свой статус, чтобы оживить эти разговоры (а они сейчас начались) и тем самым помочь возобновлению шестисторонних переговоров. Среди позитивных факторов упомяну и то, что руководство КНДР, вопреки прежним угрозам выйти из этого процесса, заявило о своей готовности работать над выполнением документа, который участники шестисторонних переговоров приняли в сентябре 2005 г. Он содержит поэтапный подход, позволяющий в конце концов решить ядерную проблему Корейского полуострова.

Вопрос: США остаются ведущей мировой державой, но отношения Москвы и Вашингтона в последнее время развиваются достаточно сложно. Есть ли шансы вернуться к логике «перезагрузки» или это уже вопрос истории?

С.В.Лавров: Логика «перезагрузки» стала этапом в наших отношениях. Ее смысл, как его нам объяснили американские партнеры, заключался в том, что администрация Б. Обамы хотела выйти

из абсолютно ненормального состояния дел, когда при администрации Дж.Буша-младшего у лидеров были добрые, приятельские отношения, они достигали каких-то договоренностей, но которые американская сторона потом не выполняла. Импульсы с самого «верха» «глушились» на американской стороне, и конструктивных проектов, о которых договаривались президенты, не получалось.

Как я понимаю, оценив российское направление американской внешней политики, администрация Б.Обамы в первый срок своего пребывания в Белом доме выдвинула идею «перезагрузки», то есть работать по-честному, разморозить целый ряд проектов, которые были отложены на «дальнюю полку» при Дж.Буше-младшем. Так это было воспринято нами, и американцы не отрицали.

На первой встрече с Х. Клинтон в качестве госсекретаря США со знаменитой желто-красной кнопкой, на которой по-русски было написано «перезагрузка» (мы тогда посмеялись, пошутили, потом разобрались). Мы восприняли такой настрой очень позитивно. Нам действительно казалось ненормальным, что ничего хорошего в наших отношениях не происходит, а идет лишь наслоение проблем, которые придумывают чиновники среднего звена, а потом все разводят руками, говоря, что Президент США об этом не знал.

Как вы все знаете, в результате импульса, приданного в ходе «перезагрузки», было сделано не так уж и мало. Конечно, мы тоже старались реагировать конструктивно, добавляя практических шагов, которых мы ранее не делали в отсутствие интереса США при администрации Дж.Буша-младшего. Появился Договор о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений, был ратифицирован Договор о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, достигнуты Соглашение об облегчении визовых формальностей для туристов и бизнесменов, а также Соглашение о сотрудничестве в сфере усыновления, которое, однако, американская администрация оказалась не в состоянии выполнять. Она совершенно не смогла преодолеть проблемы, создаваемые штатами, полностью отказываясь сотрудничать с Вашингтоном в выполнении его обязательств.

Появилось и немало экономически интересных проектов по линии концерна «Боинг» и других высокотехнологичных компаний. Во время встречи президентов России и США в Лос-Кабосе «на полях» саммита «Группы двадцати» в 2012 г. лидеры двух стран договорились сделать упор на серьезном подъеме экономических, прежде всего инвестиционных, связей, поскольку, как мы сегодня с вами говорили, экономика – это основа политики. Когда экономика в порядке, то и политические расхождения преодолеваются гораздо легче, нежели в ситуации отсутствия взаимного экономического интереса.

Этот сигнал президентов, посланный в июне 2012 г., был воспринят. Рабочие группы Президентской комиссии (их более двадцати) встречаются на уровне руководителей и экспертов. Специальное развернутое заявление с изложе-

нием инициатив в сферах экономики, технологий и инвестиций готовилось к планировавшемуся на эти дни визиту в Россию Президента Б. Обамы. Было согласовано и несколько других важных документов. Как вы знаете, затем было объявлено, что этот визит не может состояться по причинам, изложенным американской стороной. Приглашение Президенту США сохраняется, а подготовленный к этому саммиту набор документов, конечно, не пропадет. Рассчитываем, что Б. Обама использует имеющееся приглашение и посетит Российскую Федерацию.

Еще А. де Токвиль назвал Россию и США наиболее важными государствами мира. Мы слышим от наших американских партнеров, что они считают российско-американские отношения ключом к урегулированию многочисленных проблем сегодняшнего мира. Мы убеждены в необходимости таких действий, и именно поэтому (а не потому, что нам нравится быть причисленными к одной из двух самых главных стран) заинтересованы работать с американцами над урегулированием ситуации вокруг иранской ядерной программы, решением ядерной проблемы Корейского полуострова, по сирийскому кризису и любым другим конфликтным ситуациям.

У нас только одна просьба, которую мы постоянно выдвигаем на переговорах. Если мы согласовываем какую-то линию, включая санкционное давление на тех, кто может быть замешан в отказе от сотрудничества с МАГАТЭ, необходимого для прояснения «темных пятен» в той же иранской ядерной программе, то мы договариваемся в СБ ООН, принимаем резолюции и коллективно, от имени всего мирового сообщества, вводим соответствующие санкции. Если мы таким же образом стремимся посылать сигналы Пхеньяну, когда он проводит запрещенные испытания ядерного оружия и ракетные пуски, и коллективно и единогласно принимаем резолюции, обязательные для всего мирового сообщества, то зачем в дополнение к этому действовать односторонними методами и еще самостоятельно вводить санкции? Они все не имеют никакого отношения к ядерным делам ни Ирана, ни Северной Кореи, а направлены на экономическое «удушение» соответствующих стран.

Вот здесь у нас не хватает понимания. Если уж договариваемся о чем-то, то, по моему разумению, из этой договоренности нельзя ничего вычитать, но нельзя ничего и добавлять к ней. Если же наш партнер считает так: «Вот, мы получим на коллективной основе по максимуму что-то от России, Китая и других сторонников коллективных действий, а потом, когда поймем, что получили от них в виде консенсуса, в одностороннем порядке добавим то, что не удалось «вырвать» на переговорах», то, по моему мнению, это не очень этично с точки зрения дипломатической работы.

Мы с американцами выступили за созыв конференции по Сирии. Это была наша совместная инициатива, ставшая очередным примером того, что мы осознаем свою ответственность за состояние дел в различных регионах мира, особенно в

таких кризисных. Конечно, мы сожалеем, что пока нашим американским партнерам не удалось убедить сирийскую оппозицию принять инициативу Москвы и Вашингтона.

Не думаю, что оппозиция станет стоворчивее, если будет реализована угроза применения силы против Сирии в наказание, как я понимаю, за имеющиеся подозрения о применении режимом химического оружия. Сначала надо разобраться с тем, кто это сделал. Эксперты должны сказать свое слово и представить все факты в СБ ООН. На саммите «Группы восьми» в Лох-Эрне в июне 2013 г. в сирийском разделе Декларации было записано, что страны-участницы «восьмерки» не приемлют применение кем бы то ни было химического оружия и что любые сообщения о таком использовании должны профессионально расследоваться и результаты быть представлены в Совет Безопасности ООН. Я не имею ничего против того, чтобы президенты советовались со своими парламентами, но когда речь идет о вопросе, согласованном на многостороннем уровне, когда определено, что результаты расследования должны быть представлены СБ ООН, то свое слово надо держать. Мы рассчитываем, что американская сторона будет уважать свои обязательства по документам, принятым на саммите «Группы восьми» в Лох-Эрне. Тем более что, повторю, речь идет о серьезнейших вопросах, от решения которых во многом зависит судьба этого многострадального региона.

Вопрос: Сегодня упоминался термин «экономическая дипломатия». Не могли бы вы дать более точное определение этому понятию?

С.В.Лавров: Если бы меня взяли профессором, я бы прочитал длинную лекцию на эту тему. Но поскольку это не лекция, то скажу коротко. Я уже упоминал приоритетность экономической дипломатии потому, что главная задача нашей внешней политики – сделать жизнь россиян лучше. Это предполагает подъем экономики, создание новых рабочих мест, обеспечение недискриминационного отношения к нашим товарам, услугам, капиталам за рубежом, объединение усилий с теми, кто готов развивать с нами интеграционные процессы. Этим мы, собственно, и занимаемся, когда ведем двусторонние переговоры или консультации, скажем с ЕС, АСЕАН. Экономические вопросы выходят на первое место. Любая беседа Президента Российской Федерации обязательно начинается с разговора о том, как обстоят дела в экономике между нашей страной и государством, которое представляет собеседник.

Так что тот, кто выбрал факультет мировой экономики, не прогадал. Надеюсь, что по мере прохождения всех курсов, вы приобщитесь и к научно-аналитической работе. Возможно, даже поможете нам развивать конкретные направления экономической дипломатии. Еще раз поздравляю всех, хорошей вам учебы, у вас прекрасные преподаватели, берегите их!

Адрес: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/2593435AF73E9B4E44257BDA00408930